

УДК: 94

DOI 10.21661/r-113153

*А.Л. Чибиров***ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ АЛАН-ОСЕТИН**

Аннотация: в последнее время на Северном Кавказе наблюдается тенденция на пересмотр вопроса этногенеза и прошлого осетинского народа. Попытки фальсифицировать историю существовали всегда, и предпосылки к этому были самыми разными. В основном это обуславливалось существующей политической конъюнктурой, которая требовала соответствующего мифологического сопровождения. Современные фальсификаторы истории неоправданно политизируют вопрос языкового и культурного наследия алан, пытаясь при этом перечеркнуть более чем двухсотлетнюю историографию проблемы.

Ключевые слова: аланы, осетины, историография, Потоцкий, Клапрот, Монпере, Пфаф, Миллер, Кузнецов.

*A.L. Chibirov***ONCE AGAIN ABOUT A HISTORIOGRAPHY
OF THE ALANS-OSSETIANS**

Abstract: recently in the North Caucasus the tendency to revise a question of ethnogenesis and the past of Ossetian nation is observed. The attempts to forge history always existed and prerequisites to this were different. Generally, they were caused by the existing political environment which demanded the corresponding mythological maintenance. Modern falsifiers of history unfairly politicize a question of language and cultural heritage of Alan, trying to cross out more than bicentennial historiography of a problem at the same time.

Keywords: Alans, Ossetians, historiography, Pototsky, Klaprot, Montpereux, Pfaff, Miller, Kuznetsov.

История древних народов всегда была прикрыта завесой тайны. Многочисленные исторические источники, рассказывающие о жизни, быте и культуре

царств, народов и кочевых племен древности не всегда отличались конкретикой, полнотой и точностью описываемых фактов. Поэтому исследование истории и культуры кочевых племен как правило сопровождалось определенными трудностями. Порой, чтобы собрать мозаику этногенеза того или иного народа приходилось по крупицам сопоставлять различные данные, находящиеся в плоскости культуры, истории, географии, археологии, этнологии, топонимики, антропологии и даже мифологии. Однако и в этом случае многое из прошлого кочевых племен при наличии противоречащих друг другу источников можно было интерпретировать по-разному.

Иранские кочевые племена алан всегда будоражили воображение исследователей. Аланы оставили значительный след в истории, военном деле, культуре не только в ареале своего формирования – южнорусских степях, но и на территории Европы, в истории и культуре раннего средневековья только зарождающейся западноевропейской цивилизации, куда под мощным натиском хуннов (гуннов) большая часть их была вынуждена мигрировать. Оставшаяся же часть образовала на Северном Кавказе и в Предкавказских степях раннефеодальное государство Алания.

Военное дело римлян, катафрактарии, предания о короле Артуре, аланские боевые псы, аланские лошади – это лишь малая часть аланского наследия Европы. Многие артефакты, свидетельствующие о разных периодах истории алан, затерялись во времени, а другие ждут своего часа в различных европейских архивах. Вполне возможно, что нас еще ожидают открытия в области археологии. Однако и тот исторический материал, который сохранился до наших дней, достаточен для того, чтобы свидетельствовать о важной роли, которую играли средневековые аланские племена в общекавказской и европейской истории. Ярким примером этому могут служить мифы и предания о происхождении европейцев. Так, подчеркивая значимость аланского наследия в Западной Европе и влияния алан в целом на раннюю европейскую культуру, Б. Бахрах в своей работе «Аланы на Западе» ссылается на средневековую армориканскую легенду, согласно которой родоначальником Европы был Аланус [1]. Продолжая те-

му, известный археолог В. Б. Ковалевская пишет, что «характеризует отношения древних авторов к Аланам тот факт, что автор составленной в IX в. *Historia Brittorum*, Ненний, эпонимом (родоначальником) Европы называет Алана (Алануса), вводя его в библейский генеалогический ряд» [7]. Согласно преданию, этот персонаж был сыном Яфета, внуком Ноя, и являлся предком бретонцев, бургундов, готов, франков, вандалов и т. д. Второе предание провозглашает Алануса предком бретонцев, возводя его к Энею из Трои и к Яфету [12].

Однако уже тогда предпринимались попытки переписать историю, и даже интерпретировать мифологию в интересах вновь возникающей элиты социальной структуры в условиях меняющейся политической конъюнктуры. Политические реалии любого времени требовали соответствующего мифологического сопровождения. К примеру, искажение, а то и просто замалчивание роли сармато-алан в исторических процессах в Европе начался в период, когда само название Алан громко звучало на всем континенте. И неизвестно чего в этом звучании было больше по отношению к аланам – страха, ужаса, ненависти или восхищения. Французский исследователь Ярослав Лебединский отмечает, что «роль алан несомненна в истории Галлии в период Великого переселения народов, именно в решающую эпоху перехода от Галлии римской сначала к римско-варварским королевствам, а затем и к меровингской Франкии. Безоговорочна и их культурная экспансия на страну, которая впоследствии должна была называться Францией, а аланы (пусть даже в малой пропорции) входят в число предков французов» [12, с. 187–188]. Впоследствии во французской исторической традиции роль алан стала замалчиваться. Они не только оказались в забвении французской исторической памяти эпохи Великого переселения народов [12, с. 89], но и стали народом, история которого подвергалась безжалостному искажению. К примеру, согласно В.Б. Ковалевской, дальнейшее «игнорирование роли Алан в истории Западной Европы связано с Франкской исторической традицией, начиная с Фредегара, который имя Алан заменил на Франка» [7, с. 74]. Согласно анонимной «Книге истории франков» (*Gestareum Francorum* 727 г.) франки получили свою независимость от Рима, или были освобождены

от дани в награду за победу над аланами, обитавшими на Азовском море [12, с. 171]. Между тем истории не известны факты, которые бы свидетельствовали не только о войне между франками и аланами, но и о соприкосновении алан с франками до начала V в. (406–407 вв.), то есть когда аланы форсировали замерзший Рейн и впервые столкнулись с франками [12, с. 171]. И все же причины для подобных искажений фактов в раннефранкских источниках были разными. К примеру, аланы во главе с Респендиалом, перешедшие реку Рейн, прошли по всей Галлии огнем и мечом, практически уничтожая все на своем пути. Естественно, что у франков возникло желание вытравить из своей памяти все, что было связано с аланами, принизить их значение в истории страны, дабы отомстить аланам за нанесенные поражения [12, с. 172].

Между тем современные фальсификаторы истории преследуют совершенно иные цели. В последнее время на Северном Кавказе наблюдается тенденция «политизировать» аланский вопрос», а также подвергнуть ревизии вопрос этногенеза осетин. И невозможно определить, чего в этом вопросе больше – политики, или псевдоистории. В центре внимания мифотворцев от науки оказываются не аланы, в силу обстоятельств переместившиеся на Запад, а та их часть, которая в раннем средневековье образовала на Северном Кавказе крупное политическое объединение. Его история довольно хорошо изучена не только отечественной, но и зарубежной историографией. В первую очередь по археологическим и этнографическим материалам, а также по многочисленным письменным источникам. И тем не менее, борьба за право называться аланами среди некоторых кавказских народов разворачивается нешуточная. Однако, при всех допустимых погрешностях, история это прежде всего наука фактов, совокупности фактов, сопоставления фактов, выдержанных в определенной хронологической последовательности. Не представляется возможным для серьезного исследователя произвольное манипулирование историческими фактами, выпячивание одних, скажем так, «удобных» источников, при полном игнорировании источников «неудобных», не отвечающих сиюминутным политическим и общественным интересам.

Известный ученый – алановед В.А. Кузнецов в заочной полемике с оппонентами, склонными к подобным перегибам «локального масштаба», подчеркивает, что возросшая популярность околоаланской тематики «способствует развитию «творческой» активности ряда историков и филологов, направленных на формирование в общественном сознании народов Северного Кавказа устойчивого комплекса престижных предков в лице алан (речь здесь не идет об осетинах, родство которых с аланами давно установлено). Очевидное гетерогенное происхождение алан, вхождение ряда северокавказских народов в состав аланского племенного союза и раннефеодальной государственности дало возможность радикальным историкам настаивать на приоритетном положении своих народов в контексте аланской истории» [11].

Естественно, что аланское влияние распространялось в Центральном и Северо-Западном Кавказе, на народы, с которыми они соприкасались в его предгорьях, и аланы косвенно являются частью истории, прошлого народов Кавказа. Подобно тому, как и могущественное племя хазар, частью объединения которых в свое время являлась Алания. Однако прямыми потомками аланских племен, аорсов и сираков, оставшихся в регионе после нашествия гуннов, следует считать осетин. Это определение давно утвердилось в мировой исторической науке, и не существует аргументированных предпосылок для утверждения обратного. Все исследователи, приверженцы подобного взгляда на проблематику опирались на два основных маркера. Такими показателями являются осетинский язык, уходящий корнями в индоиранское прошлое, а также Нартский эпос и другие ярко выраженные элементы духовной культуры осетин, предтечей которой являлся скифо-сармато-аланский мир.

Вполне возможно переписать историю в локальном масштабе, однако не представляется допустимым игнорировать огромный пласт исторической науки, начало которому было положено не двадцать или тридцать лет назад как бы этого хотелось нашим оппонентам, а гораздо раньше, в конце XVIII – начале XIX в. В связи с этим логично предположить, что впервые о неразрывной связ-

ке аланы-осетины заговорили вовсе не представители осетинского научного общества.

Историография вопроса изучена вполне подробно, достаточно систематизирована. В последнее время наиболее полно она представлена в работах профессоров Ю.С. Гаглойти и Ф.Х. Гутнова.

Вкратце же изучение вопроса складывалось следующим образом. Впервые в научной литературе концепция о генетической связи осетин с аланами была озвучена Герхардом Фридрихом Миллером, русским историком, профессором и членом Санкт Петербургской Академии наук. В своей работе «О народах, издревле в России обитавших», изданной в 1773 г., он высказал мнение о родстве осетин с раннесредневековым аланским племенем ассы. Говоря о том, что «Алане были Готский народ», он далее продолжает: «Карпини и Рубрук в тринадцатом веке упоминают об аланах, коих они при путешествии своем находили. Первый равняет их с черкасами, и дает им прозвание Ассы, которое, кажется в сродстве с нынешними Оссетами» [13].

Далее, в 1802 г. польский ученый и путешественник Ян Потоцкий издал в Санкт Петербурге книгу на французском языке, под названием «Начальная история народов России», в которой автор специально рассматривал вопрос о происхождении осетин. Почетный член Российской академии наук, Потоцкий занимался древней историей народов России в том числе и в контексте со скифской проблематикой. Согласно его выводам, осетины являются ветвью аланасов, потомками «осилов» Птолемея, «сарматов-мидян» Диодора Сицилийского и Плиния [19].

В начале XIX в. известным немецким востоковедом Ю. Клапротом было выдвинуто поистине революционное утверждение о генетической связи осетин с аланами, которое как античные, так и средневековые историки, и географы с I в. н.э. прочно локализируют на Северном Кавказе. В исторической науке принято считать за точку отсчета именно его взгляд на проблему этногенеза осетинского народа. Дальнейшие исследования лишь показывали верность этой концепции.

В 1812–1814 гг. Клапрот издает в Германии два тома «Путешествия на Кавказ и в Грузию, совершенных в 1807–1808 гг.», в которых впервые было сказано о генетической взаимосвязи ираноязычных осетин со скифами, сарматами и аланами. Позже, в 1822 г. в Париже отдельной брошюрой была издана его же работа («Memoire dans lequel on prouve l'identite der ossetes, peuplade du Caucase, avecles Alains du moyen age». *Annales des Voyages*. XVI. 1822), в которой ученый в развернутой форме еще раз обосновал выдвинутые им доказательства идентичности алан с осетинами. Статья Клапрота в последующем и будет считаться доказательством его приоритета в этой области. Согласно его утверждению, в VII в. до н.э. скифы переселили колонии мидийцев «в Сарматскую страну, расположенную в северной части Кавказа... Современные осетины происходят от этой колонии...». При этом он отмечал генетическую преемственность средневековых алан и позднейших осетин (осетины – «это одновременно и аланы») [17].

К концепции Потоцкого и Клапрота в основном примыкал и швейцарский археолог, этнограф и натуралист Фредерик Дюбуа де Монпере, посвятивший этнической истории осетин специальную главу в IV томе своего труда «Путешествия вокруг Кавказа». Монпере рассматривал «алан, асов и иронов-осов» как родственные между собой племена, тремя разновременными волнами переселившиеся на Кавказ» [21]. Август Гакстгаузен, побывавший в России в 1843 г., вслед за Герхардом Миллером также придерживался германской теории происхождения осетин. Он считал, что осетины происходят от готских и других германских племен, разбитых гуннами и укрывшихся в горах Кавказа [4]. Еще одна теория принадлежит французскому ученому В. де Сент-Мартину, который считал, что аланы появились на Северном Кавказе в результате миграции из Согдианы и Арала в I–III вв. н.э. Алан и осетин он рассматривал хотя и родственными, но разными народами [22].

Одной из причин столь большого интереса к осетинам, как этносу, среди исследователей следует считать резкое отличие осетинского языка от языков других народов Северного Кавказа. Сент-Мартин придавал большое значение

изучению «осетинского языка, вне всякого сомнения, самого важного из языков Кавказа из-за его связей с основными языками Европы и Азии большой индоевропейской группы». Французский ученый высказывался и против этнонима «Осетины», которое ввел академик Андреас Шегрен. «Это название, постоянно употребляемое г-ном Шегреном, так же, как и Клапротом и всеми другими русскими, немецкими и французскими авторами, тем не менее, не является подлинным этнонимом: это слово совершенно неправильного образования... грузины всегда называли иронов осами, а их страну Осетией, добавляя к названию народа окончание, которое в грузинском языке служит для обозначения территории в целом. Осетия, таким образом, означает страну, а не народ. Но русские, в свою очередь, придали этому слову форму «осетинцы», жители Осетии, а другие народы Европы переняли эту форму, смягчили ее и сделали из нее название «осеты», которое и закрепилось в употреблении» [23].

Теория аланского происхождения осетин все более утверждалась среди мировой научной общественности, находя среди них новых приверженцев, хотя сомнения по поводу ранних периодов истории осетин все еще оставались. Так, в 1836 г. был издан большой коллективный труд под названием «Обозрение Российских владений за Кавказом». Издатель книги В. Легкобытов в комментариях обратил внимание на то, что аланы арабских географов жили там же, где и аланы Птолемея и Иосифа Флавия, и «где ныне живут Оссетины». Следовательно, и в начале н.э., и в XIV в., и в XIX в. народ этот оставался «там же, и что поэтому не без основания Оссетины могут быть признаны Кавказскими Аланами средних веков» [16]. Примерно в это же время И. Бларамберг завершает работу над своим фундаментальным трудом о горских народах. Касаясь происхождения осетин, он вслед за Ю. Клапротом и В. Легкобытовым, назвал их потомками «сармато-мидийцев» и «алан». Он также пришел к выводу о тождестве алан и осетин [2].

Значимыми для осетиноведения первой половины XIX в. являются работы словацкого и чешского слависта П.И. Шафарика, автора фундаментальной работы «Славянские древности» (1847 г.), который также коснулся вопроса про-

исхождения осетин. Шафарик полностью отождествлял осетин с аланами, рассматривая последних в тесной связи с языгами и роксаланами. Касаясь проблемы соотношения алан с осетинами, П.И. Шафарик подчеркнул: «Нынешние Аланы, обитающие в Северной части Кавказских гор, называют сами себя Ирон, а землю свою – Иронистон, напротив того Грузинцы именуют их Осами или Овсами, землю их – Осетией, русские же – Асами, Осетинцами (Осами, Осетинцами)» [5].

Во второй половине XIX в. в изданиях, посвященных кавказской проблематике, таких как «Сборник сведений о кавказских горцах», газета «Терские ведомости» и др. появляются статьи член Кавказского отделения Императорского Русского географического общества В.Б. Пфафа. В таких статьях, как «Материалы для древней истории осетин», «Народное право осетин» В.Б. Пфаф предпринял первую попытку систематизированного написания истории алан-осетин с древнейших времен до Крестьянской реформы 1861 г. Однако гипотезы Пфафа по видению исторического прошлого Осетии страдали необоснованным разнообразием, при том, что он не особо заботился об их подтверждении историческими данными, что приводило к серьезным ошибкам в выводах. К примеру, по его мнению, «осетины, по своему происхождению иранцы и принадлежат к той ветви мидо-персидского племени, которая в Европе известна под названием сарматов». Свой вывод Пфаф обосновывал этимологией названий крупнейших южнорусских рек, которые объясняются из осетинского языка, самоназванием осетин «ирон», наличием в осетинском языке индоевропейских слов, некоторыми «арийскими», якобы, обычаями и, наконец, наружностью осетин. Вывод Пфафа о прямой генетической связи осетин с древними сарматами обоснован, однако тут же Пфаф утверждает, что «осетины никогда не были чистыми сарматами, – они уже в глубочайшей древности перемешались со многими другими племенами, прежде и раньше всего с каким-то семантическим племенем». В рецензии к работам Пфафа в издании «Сборник сведений о кавказских горцах» указывалось, что в них «не видно полного основания для принятия тех выводов и предложений, к которым приходит автор» [20].

Суть претензий у исследователей к Пфафу сводилась к тому, что Пфаф по сути подменил конкретный анализ этногенеза осетин общими рассуждениями об их ираноязычных предках (сарматах, аланах) и «совершенно фантастическим» утверждением о синтезе иранцев-осетин с семитами в XV в. до н.э. [20, с. 2–8; с. 23].

Несмотря на то, что Пфаф достаточно вольно интерпретировал фактический материал, не подтверждая его какими-либо доказательствами, ценность его работ заключалась в том, что в них был собран почти весь доступный в то время материал. Они безусловно повышали интерес к далекому прошлому осетинского народа, так как впервые в литературе была дана широкая и разносторонняя характеристика социальных отношений у алан-осетин [9].

Нельзя также не отметить и работы, посвященные Осетии и осетинам, другого русского исследователя Д.Л. Лаврова. Его работа под названием «Исторические сведения об Осетии и осетинах» была опубликована в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» в 1883 г. в Тифлисе. Материал, предоставленный автором, весьма интересен для анализа, и представляет неожиданные версии этногенеза осетин. Помимо прочего, Лавров приводит следующий исторический факт: «Помпей, разбивший Митридата Понтийского, настойчиво преследовал его через земли осетин-аланов и Кавказские ворота. Аланы, собравшие 60 тысяч пехоты, и 22 тысячи конницы хотели было отразить дальних иноземцев, но были разбиты. Римские войска в числе сражавшихся аланов-осетин заметили много женщин. Последнее обстоятельство ввиду существовавшего у древних народов сказания об амазонках было причиной того, что римские солдаты некоторые из найденных после сражения предметов одежды и вооружения признали амазонскими» [18].

Очень важным событием для отечественного кавказоведения стало издание трудов известного общественного деятеля, ученого, академика императорской Санкт-Петербургской академии наук М.М. Ковалевского, друга и коллеги другого известного ученого-осетиноведа В.Ф. Миллера. По убеждению М.М. Ковалевского, «Всеволоду Миллеру окончательно удалось обосновать тот взгляд, что осетинский язык принадлежит к иранской ветви арийских

языков» [5, с. 13]. Далее, согласно ему, иранское происхождение осетин, «доказанное В. Миллером лингвистическими данными», нашло подтверждение в письменных источниках и археологических материалах. В давние времена на Северном Кавказе появились «кочевья Иранцев... в их числе были Аланы, отождествляемые нередко средневековыми писателями с народом Асси или Ясы наших летописей, иначе говоря, с осетинами». Мысль о тождестве алан и осетин показалась М.М. Ковалевскому настолько значимой, что он повторил ее еще раз: «показания грузинских летописцев о древности осетин находят себе решительное подтверждение в однохарактерных свидетельствах древних писателей об Аланах» [8].

Подводя итоги анализа историографии XIX в. необходимо отметить одного из крупнейших представителей русской науки конца XIX и начала XX вв. В.Ф. Миллера. Его «Осетинские этюды» являются классическим произведением, настольной книгой для исследователей истории, права и этнографии осетин. Нет необходимости в анализе всех его работ, поэтому в контексте рассматриваемого вопроса мы обратимся лишь к третьей части фундаментального труда, в которой рассмотрены вопросы древней и средневековой истории алан. В.Ф. Миллер убедительно обосновал генетическую связь между кавказскими аланами и осетинами, приведя доказательства того, что имя кавказских алан распространялось на предков осетин. Рассматривая древние и средневековые периоды жизни «оссов» (алан), В.Ф. Миллер детально остановился на вопросе исторической этнонимии и доказал принадлежность этнонимов ос, алан и яс к одному и тому же народу [14]. Опираясь на солидную источниковедческую базу, он пришел к убеждению о принадлежности языка осетин «к иранской группе индоевропейской семьи»; предки осетин «входили в состав тех иранских кочевых племен, которые были известны за многие столетия до Р. Хр. под именем сарматов и отчасти скифов...» [14, с. 100–101]. В другой работе ученый писал, что осетины являются остатком большого иранского племени, в классическую древность известного под именем понтийских скифов и сарматов, а в средние

века – под именем алан [15]. «Осетинские этюды» В.Ф. Миллера бесспорно являются достоянием мировой науки и до сих пор вызывают большой интерес [6].

В дальнейшем, если следовать хронологическому порядку, то в контексте теории, предполагающей принадлежность осетинского языка к иранским, предложенной с Я. Потоцким и впоследствии обоснованной В. Миллером, следует упомянуть и работу немецкого ученого Х. Хюбшмана, посвященную этимологии осетинского языка. (H. Hubschmann. *Etymologie und Lautlehre, der Ossetischen Sprache*. Strassburg, 1887). Еще один ученый конца XIX в., К. Мюлленхофф в своей работе под названием *Deutsche Altertumskunde* В. III, изданной в Берлине в 1892 г., рассматривал осетин как потомков древних сарматов, связующим звеном между которыми он называл алан.

Бесспорным прорывом в осетиноведении наряду с трудами В.Ф. Миллера, надолго стала работа «Аланы по сведениям классических и византийских авторов» известного русского ученого, филолога-классика и историка Ю.А. Кулаковского. В своей книге, изданной в 1899 г., он проследил политическую историю алан от времени их появления на европейской арене до монголо-татарских походов, а также счел необходимым подчеркнуть актуальность исследования истории ираноязычных племен Кавказа, «так как судьбы алан составляют часть до-русской, если можно так выразиться, истории нашей родины» [10]. Касаясь проблемы этногенеза, ученый ограничился лишь констатацией того, что осетины – «потомки и остаток древних алан».

Интерес к алано-осетинской проблематике не ослабевал у западных ученых и к началу XX в. К примеру, шведский ученый Э. Шарпентье в своей статье «Этнографическое положение тохаров», опубликованной в 1917 г. определяет современных осетин не потомками, но «соплеменниками» средневековых алан. Вместе с тем он отмечает, что «Осетины, как самостоятельная часть большого аланского народа со своих насиженных мест в Трансоксиане и Согдиане попадают на Кавказ через юг Каспийского моря; в то время, как собственно аланы шли из Киргизских степей и Поволжья в области на Кубани и Терек» [22, с. 363]. Шарпентье, также, как и Сен Мартен, был глубоко убежден

в центральноазиатском происхождении как осетин, так и алан. Аргументация его сводилась к следующему: «их грузинские соседи всегда строго различали Алан-ети и Осети; Константин Порфирородный упоминал алан, управляемых собственным царем, и асов (осетин) внутри Кавказа, среди которых находилось несколько вождей племен; арабскому автору Масуди (943 по Р. Хр.) также казалось необходимым проводить различие между аланами на севере и осетинами внутри Кавказа» [22, с. 363–364].

Но согласно Ю.С. Гаглойти, эти аргументы весьма уязвимы: «Осами грузинские летописи и историки в разное время называли скифов, сарматов, алан и осетин. Иными словами, в культурных кругах Грузии ставили знак равенства между названными этносами, тем самым признавая преемственность ирано-язычных скифов-сарматов-алан-осетин [5, с. 17].

Австрийский исследователь Р. Блайхштайнер в своей работе *Das Volk der Alanen* вышедшей в Вене в 1918 г., называет осетин потомком сакского (скифского) народа, жившего некогда на Понте, чей язык, «как выяснилось из собственных имен, был предшественником осетинского. Этот народ с I в. н.э. выступает под именем алан, которое восходит к имени ариа, как называют себя восточные осетины» [3].

Современная историография вопроса весьма обширна, и вполне изучена. Нет необходимости в рамках отдельно взятой статьи приводить весь доступный материал. В данной работе мы лишь обозначили историю вопроса, такой, какой она представлялась в XIX, начале XX века. Это еще раз подчеркивает тот факт, что интерес к этногенезу осетинского народа не является сиюминутным, что школа, представленная такими именами как Я. Потоцкий, Ю. Клапрот, В. Миллер и др., насчитывает более чем двухсотлетнюю историю. Подводя же итоги общего экскурса в прошлое рассматриваемой темы, хочется отметить, что видение вопроса этногенеза осетинского народа, которое сформировалось в XIX в. в дальнейшем было развито и дополнено такими видными учеными как Э. Миндз, М. Ростовцев, Г. Вернадский, Ж. Дюмезиль, Я. Харматт, Тойблер, Л. Згуста, Г. Бейли, Т. Сулимирский, В. Ковалевская, Б. Скитский, Ж. Грисвар,

Ф. Тодарсон А. Алемань, Гадло, В. Кузнецов, и т. д. В основе своей все вышеуказанные ученые вне зависимости от временных и географических рамок своими работами подтверждают основную концепцию, сложившуюся более двух веков назад – осетины являются прямыми потомками ираноязычных скифо-сармато-аланских племен.

Однако в контексте с наблюдаемым в последнее время нездоровым всплеском интереса к этногенезу алан-осетин необходимо подчеркнуть следующее. Вопрос принадлежности к этносу – прямым потомкам алан – следует рассматривать исключительно в культурно-исторической плоскости, воспринимать его как тему для обсуждения историков, этнологов антропологов и культурологов, не политизируя вопрос, и не обозначая его краеугольным камнем своей исключительности. И конечно же, не поддаваясь некоей «аланомании», в последнее время охватившей Северный Кавказ, когда, согласно все тому же В.А. Кузнецову ученые разных специальностей и, интеллектуалы из разных республик стремятся привязать историю своего народа к истории алан и Алании: «Идет холодная война за передел аланского историко-культурного наследия, делаются попытки переписывания истории». «Историческое мифотворчество, продолжает автор, проявившееся на Северном Кавказе, нельзя игнорировать, его следует рассматривать как часть современного кавказоведения, но как знание околонучное и деструктивное по социальным последствиям. Более того, как проявление этнонационализма оно опасно. Участие дипломированных ученых в создании и пропаганде исторических мифов, свидетельствует о недостаточной цивилизованности и профессиональной культуре, политическом конформизме и явном непонимании социальной сущности науки как инструмента объективного познания действительности» [11, с. 138]. К сожалению, вопросы, поставленные В.А. Кузнецовым в 2004 г. все так же актуальны и сегодня.

Список литературы

1. Бахрах Бернад С. Аланы на Западе. – М.: Ард, 1993. – С. 97.
2. Бларамберг И. Кавказская рукопись. – Ставрополь, 1992. – С. 133–139.

3. Bleichsteiner R. Das Volk der Alanen. – С. 6–7, 10–11.
4. Гакстгаузен А. Закавказский край. Часть вторая. – СПб., 1857. – С. 93, 117–118.
5. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. – Вл., 2001. – С. 12.
6. История Северо-Осетинской АССР в двух томах. Т. 1. – Орджоникидзе, 1987. – С. 355–356.
7. Ковалевская В.Б. Аланы в Западной Европе. Сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии // Аланы Западная Европа и Византия. – Владикавказ, 1992. – С.74.
8. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. В 2 т. Т. 1. – М., 1886. – Т. IV. – С. 11–12, 15–21.
9. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, КЭС. Т. 11. – М., 1959. – С. 262.
10. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических византийских писателей. – 1899. – Кн. 13. – С. 167.
11. Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение. – Владикавказ, 2004. – С. 138.
12. Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии IV–V вв. История и наследство. Алано-Кавказская библиотека. – Владикавказ, 2016. – С. 172.
13. Миллер Г.Ф. О народах, издревле в России обитавших. – СПб., 1773. – С. 18.
14. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Часть третья. – 1887. – С. 45–48.
15. Miller V. Die Sprache der Osseten. – Страсбург, 1903. – С. 4.
16. Обзорение российских владений за Кавказом. – СПб., 1836. – Часть вторая. – С. 186, 187.
17. Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б.А. Калоев. – Орджоникидзе, 1967. – С 175–176.
18. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Т. I. – 2 изд-е. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. – С. 445.

19. Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. T I–II. – Paris, 1829.

20. Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин: Сборник сведений о кавказских горцах. В. IV. – Тифлис, 1870. – С. 1.

21. Fred. Dubois de Montpereux. Voyage autor du Caucase. T. IV. – Paris, 1840. – С. 320, 363–364, 406–407.

22. Charpentier J. Die ethnographische Stelhing der Tocharer. – ZDMG, 1917. – С. 363.

23. Шегрен А.М. Осетинские исследования / Сост. и перев. Т.Т. Камболов. – Владикавказ, 1998. – С. 12–14, 19.

Чибиров Алексей Людвигович – канд. ист. наук, научный сотрудник отдела источниковедения ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и РСО – А, Россия, Владикавказ.

Chibirov Alexey Lyudvigovich – candidate of Historical Sciences, Source Study Department Researcher in FSBSI North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev of VSC of RAS and NO – A, Russia, Vladikavkaz.
